

УДК 003

ВОЗРАСТНАЯ ЗНАКОВОСТЬ ЮЖНОВЕЛИКОРУССКОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДЫ (ОДЕЖДЫ)

© 2013 г.

П.И. Кутенков

Смольный институт Российской академии образования, Санкт-Петербург

yarga.spb@mail.ru

Поступила в редакцию 10.01.2013

Рассматривается знаковость женской погребальной одежды южновеликорусов. Исследователь приходит к выводу, что смертная одежда по своим разноприродным знакам (узор, цвет, материал, название, крой, состав и др.) строго соответствует возрастному составу женской половины крестьянской общины.

Ключевые слова: девица, душа, баба, знаковость, крестьянская родовая культура, кичка, молодая баба, пожилая баба, погребальная обряда, понёва, рубаха, смерть, смертная, старуха, южновеликорусы, ярга-свастика.

Общепризнанным в науке считается развитость культа предков у русского народа. Содержательная сторона культа предков, вобравшая в себя древние знания и представления народной культуры, исследовалась в XIX–XX вв. многими учёными [1, с. 286–328; 2; 3, с. 129–151; 4, с. 345–357; 5, с. 7–99; 6, с. 156–214; 7, с. 114–127; 8, с. 103–123; 9; 10; 11; 12 и др.]. Вместе с тем в отечественной культурологии, этнографии и этнологии «до сих пор практически не существует работ, описывающих конкретные региональные традиции обряда» [13, с. 6]. Малоисследованными оказались и вопросы, непосредственно соприкасающиеся с половозрастной знаковостью погребальной обряды (всего погребального убранства) девичьих, бабьих и женских возрастов. Здесь мы встречаемся с различными, в том числе противоречивыми точками зрения.

В первой половине XIX в. А.В. Терещенко, описывая погребальный обряд предков великорусов, отметил присутствие половозрастной знаковости в одежде умерших: «Цвет наружных украшений показывает возраст, пол и звание умершего. Розовый и белый принадлежность младенцев, детей, девиц и молодых дам; голубой, синий, зелёный и малиновый для прочего звания» [1, с. 299]. Такой подход нашёл поддержку у Б.А. Рыбакова, который при характеристике погребальной одежды древних славян, выделил три различных категории убора: «девочек хоронили с очень скромными украшениями, девушек и молодых женщин хоронили в богатом подвенечном уборе; пожилых женщин (вероятно, от времени появления у них внуков)

убирали в последний путь скромно [5, с. 21]. Терещенко и Рыбаков обозначили половозрастное направление изучения погребальной одежды. В более позднее время оно не имело существенного продолжения. Немногочисленные обращения исследователей к данному вопросу получили иное направление.

Бытование различного характера погребальной одежды восточных славян, связанного с культурными различиями, показала Г.С. Маслова [14, с. 85–100]. И.А. Кремлёвой было подчеркнута существование «многих вариантов похоронной одежды в разных местностях России» [11, с. 521]. Большое количество вариантов погребальной одежды она отмечает, например, на Вологодской земле [12, с. 669].

Исследователи, говоря о многообразии погребальной одежды, основное внимание сосредоточивают на её особенностях, порождённых культурными образованиями разных уровней. Иначе говоря, речь ведётся о многообразии погребальной одежды вследствие сохранения родовых, племенных и иных историко-культурных различий. Возрастная же знаковость смертной одежды чаще всего остаётся без внимания. Погребальная одежда исследователями рассматривается как явление, несколько отстранённое от возраста и общинного статуса умерших. Её предпочитают описывать в наиболее общих понятиях, позволяющих характеризовать смертную обряду всех возрастов. Например, Д.К. Зеленин, Г.С. Маслова, С.В. Жарникова, И.А. Кремлёва, Е.Ф. Фурсова и другие белый цвет определяют в качестве часто встречающегося знака погребальной одежды, в виде преобладающего цвета

не только у великорусов, но и у других восточных славян [4, с. 347; 14, с. 96; 11, с. 521; 15, с. 135; 16, с. 122; 9; 17, с. 57–58; 18, с. 97 и др.]. Наряду с выделением белого цвета в качестве ключевого знака погребальной наряды, исследователи отмечают наличие в ней и других ярких цветов [10, с. 75; 19, с. 94–96 и др.]. Но и здесь описание возрастной знаковости погребального убора остаётся на второстепенных позициях или совсем без внимания.

Итак, вопрос о системно-возрастном проявлении знаковости в погребальной одежде является неизученным. Вместе с тем он постоянно возникает в работах исследователей.

Н.П. Лютикова, исследуя Мезенскую сряду и смертные одежды этого края, высказала мнение о противоречивости сведений по погребальному убранству, содержащихся в полевых материалах и письменных источниках [17, с. 57]. Рассматривая этот материал с позиции половозрастного знакового подхода, мы не обнаруживаем существенных противоречий по Мезенской погребальной одежде. Н.Н. Прокопьева, обращаясь к теме погребальной одежды, пишет, что у русских в смертной «одежде женщин соблюдали возрастные различия: умершим в среднем возрасте надевали одежду, характерную для этого поколения, старшим – потемнее. <...> Голову молодым повязывали светлым платком <...>, а старухам надевали мягкие чепцы (шамшуру, сороку, волосник)» [20, с. 462], совершенно отчётливо отмечая возрастные различия в погребальном уборе. В другой статье исследовательница говорит иначе: «В смертной одежде, как правило, отсутствуют какие-либо знаки половозрастных отличий, окончательно они скрываются саваном, куском холста или полотенцем» [21, с. 612]. Таким образом, обнаруживаются сложности в изучении погребальной одежды.

Изучение доступных источников по погребальной одежде русских и восточных славян показывает отсутствие признанных методик и методов исследования темы. Вследствие такого положения вещей современные учёные, прикасаясь с необходимостью изучения погребальной одежды, остаются методически безоруженными.

При более глубоком рассмотрении вопроса, становятся очевидными истоки сложности в изучении темы. Они определяются слабой разработанностью вопросов посмертного существования души и связанного с ними вопроса о месте погребальной одежды. Отрицательное влияние на изучение рассматриваемого вопроса оказало и продолжает оказывать частое исполь-

зование исследователями условного и расплывчатого понятия «женщины» в отношении всех девичьих, бабьих и женских возрастов. Оно не только усложняет соотнесение погребальной обряды с возрастными, оно упрощает саму культуру, делает её грубой и невыразительной. Не остаётся места для знакового различия погребального убора. Для исследователя XX–XXI вв. понятие женщина, объединяющее не сводимое (баб всех возрастов, вдов, войних, вековых) спасательный круг, избавляющий его от тяжких трудов по изучению сложных духовных явлений культуры.

Мы полагаем, что при изучении погребальной одежды необходимо обязательно учитывать половое и возрастное деление, а также статусное положение женщины и бабы в крестьянских родовых культурах. Применение историко-культурного метода исследования имеет глубокие корни, но это не должно ограничивать и подавлять использование при изучении погребальной обряды других методов, включая знаковый. Последний, учитывая мировоззренческие и обрядовые стороны культуры, обладает возможностью сосредоточить внимание на изучении половозрастных характеристик, обнаруживать знаковые средства погребальной обряды и вещного мира, сопровождающих похоронно-поминальную обрядность.

В настоящей статье изучение возрастной знаковости погребальной одежды осуществлено на основе знаковых методов, с использованием знаковой матрицы, полученной нами при разработке Концепции знакового исследования русской народной одежды [22, с. 66]. Другого действенного инструментария для исследования большого разнообразия погребальных сряд в крестьянских родовых культурах (КРК)¹ великорусов мы не нашли.

Общий вид знаковой матрицы несложен (рис. 1). Кратко поясним содержание, определяющее её возможности, непосредственно влияющие на рассмотрение нашей темы [22, с. 59–65]. Весь жизненный путь крестьянки в культуре представляется в виде различных по продолжительности и содержанию, но неразрывно связанных отрезков времени – **времен жизни**. Под **временем (временами)** понимаем определённый отрезок времени в жизни человека, семьи-рода и мира-общины. Время жизни – это длительность бытия, имеющая, как правило, естественные границы.

В русской народной культуре выделяются следующие времена: рождение, младенчество, детство, девичество, свадьба, родославное (детородное), бабство (беременность, роды, соро-

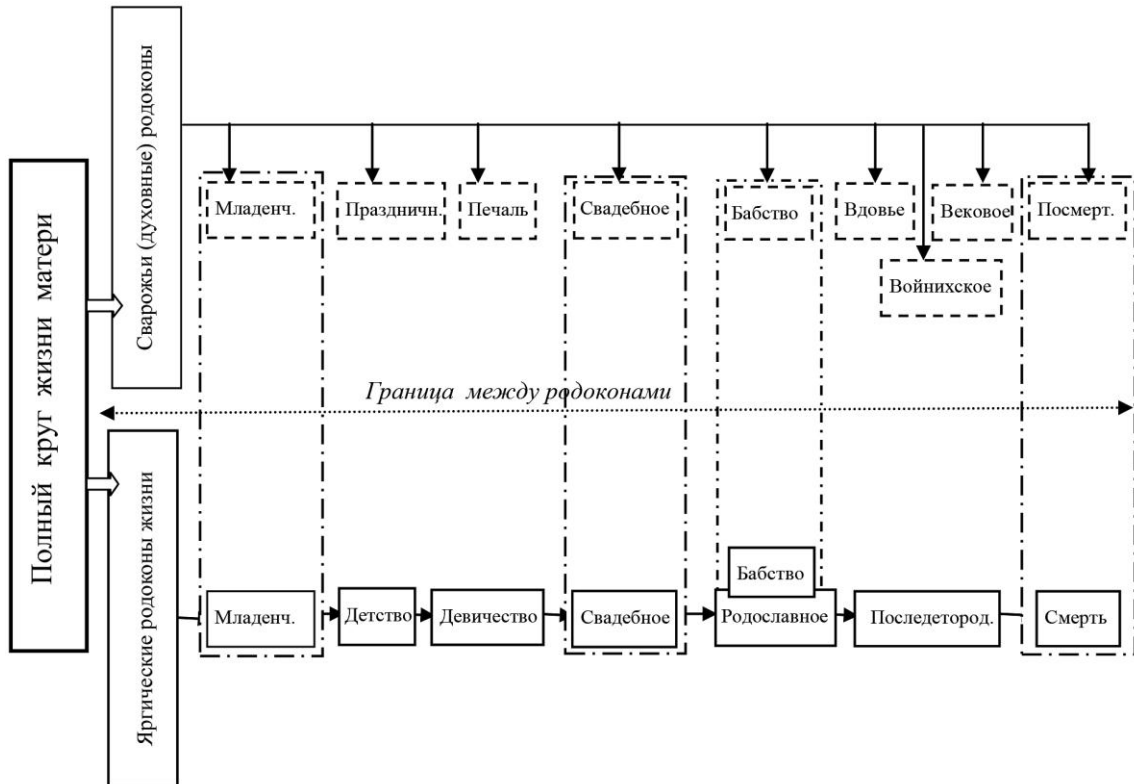

Рис. 1. Общий вид знаковой матрицы

ковины роженицы и последующее время), последетородное, смерть, праздник, печаль, войнижство (солдатство), вековухество, вдовство, посмертное. Все времена объединяются в единое целое явлениями рождения и смерти, замужества и родинами, праздника и печали, днями равноденствия и солнцестояния. Но при этом по содержанию сущностного они между собой различаются, образуя из неделимого, единого жизненного пространства жизненного пути два круга, две группы времён – яргические и сварожьи (рис. 1).

Яргическую группу составляет такие времена, как младенчество, детство, девичество, свадьба, родославное, бабство, последетородное, смерть. Яргические времена составляют видимую, зримую часть жизни. Они свойственны всем девицам, бабам и большинству женщин народной культуры. Совокупность яргических времён для бабы имеет ярко выраженную строгую последовательность их смены от рождения/младенчества до смерти. Например, не может наступить последетородное время, минуя родославное, или смерть не может наступить раньше рождения. Таким образом, яргический круг представляет очевидную неразрывную последовательность смены обособленных друг от друга времён. Яргические времена отмечаются знаками своих сряд.

Сварожьи времена характеризуются пребыванием девицы/бабы/женщины в различных духовных состояниях, в её обращённости к Богу, предкам и своему роду, что происходит в ходе исполнения обрядов и обычаев народной культуры. Сосредоточенность и погруженность в определённое состояние, определяемое взаимодействием на духовном уровне, выделяет такое время из повседневности, а также из яргического круга. Прежде всего это время течения печали и праздников, свадьбы, рождения и смерти, бабства, войнижства, вдовства и вековухества.

Сварожьи времена накладываются на времена яргические, в них они вычлняются и отграничиваются обрядами и обычаями, составляют с ними единое и неразрывное целое жизненного пути бабы. Но если праздники и печаль, войнижство и вдовство, не говоря о вековухестве, в культуре отчётливо выделяются в самостоятельные времена, то время младенчества, бабства, свадьбы и смерти проявляют яркую двойственность. Например, время бабства (от зачатия и рождения ребёнка и до сорокового дня (года, трёх лет) после рождения) обнаруживает сложные физиологическое и духовные состояния роженицы и дитя. Первое являет время яргическое, второе – сварожье. Свадьба, представляет не менее сложное событие культуры. Закладывая кровные и магико-духовные основы продолжения рода, она

обнаруживает в своём содержании сложное переплетение сварожьих и яргических времён. Жёсткая включённость свадьбы в неразрывную цепочку яргического круга и одновременно с этим ярко выраженная духовная составляющая также вводят её полноценным временем в обе группы. Посмертное (смертное) время заканчивается только после проведения обряда проводов духа на тот свет в сороковой день и третьей годовщины, когда проводятся последние частные общественные поминки, а бабы расстаются с печальной срядой.

Следовательно, каждое время (свадьба, бабство, смерть) в силу его сложного содержания одновременно принадлежит двум разным временам.

Все сварожьи времена, сопровождаясь обрядами и обычаями, отмечаются своими срядами (одеждами) и другим вещным миром. У сварожьих времен нет того единого порядка смены и взаимосвязи родоконов, что изначально свойственно череде яргических времён.

Необходимо различать толкования понятия «круг жизни»: в широком смысле оно объёмлет все времена жизни, какие только переживает баба-рожица и женщина, в узком – только яргические или духовные.

Разделение времён на два круга носит определённо относительный характер, но одновременно с этим такое членение жизненного пути человека в обычаях культуры имеет ярко выраженный знаковый окрас. Каждое из времён находит означивание (знаковое выражение) посредством сряд, обычаев и обрядов.

В действительности культуры время жизни имеет обрядовые рамки, вычленяется родокон. Специфика родокона состоит в том, что он имеет строгое обрядовое отграничение начала и конца, т.е. жёсткие временные рамки. Например, общая длительность времени деторождения (родославия) женщины определяется её физиологическим состоянием, при расплывчатых границах его начала и окончания. Родокон родославия своим началом имеет свадьбу, а окончание определяется сорока годами или же может поступить раньше, отграничиваясь свадьбой старших детей. Свадьба меняет статус родителей, на свадьбе родославная сряда матери меняется на последетородную. Подобным образом выявляются и другие.

Общая картина времён полного круга жизни не полностью объясняет существование множества сряд (каждой вещи сряды) в народной культуре. Большинство яргических и сварожьих родоконов имеет собственное внутреннее деление, своё строение, непосредственно влияющие на знаковость одежды.

Девичество делится на два (три) возраста, свадебное время имеет сложное строение и подразделяется на несколько малых времён для невесты/молодухи, отмеченных шестью–десятью её различными в знаковом отношении срядами. Детородное время состоит из четырёх возрастов и особо выделяемого состояния – молодухи. Последетородное время членится на три возраста и особый – положение старухи (старой старухи). Всем выделенным возрастам присущи свои знаковые особенности в срядах и вещном мире.

Сложнее обстоит вопрос со строением и означиванием духовных родоконов. В народной культуре праздники подразделяются по их значимости на четыре уровня: *годовые* (или *большие*) *праздники*, *просто праздники*, *маленькие праздники* и *воскресные* (или *расхожие*) дни. Каждый уровень праздника в нисходящем порядке имеет от четырёх до одной степени праздничности, которые отражаются в знаковости сряд для каждого девичьего, бабьего и женского возрастов, кроме вековухи.

Существенное значение в матрице имеют **естественные переходы** между родоконами и на переходах – значение внутри самих родоконов². Для нашей темы необходимо понять, что переход в родокон посмертного времени несёт существенные изменения знаковости одежд. Рассматривая знаковость погребальной одежды, нужно учитывать последние данные по общему количеству единичных одежд и сряд³ в какой-либо КРК, где последних может насчитываться до 200, различных в знаковом отношении. При этом каждая единичная одежда (вещь) сряды, сосредотачивая в себе свыше десяти различных знаков, образует знаковую систему, включающую от 5–8 до нескольких десятков однотипных разнознаковых вещей.

В литературе для обозначения убора умершего человека используют наименования «погребальная» и «смертная» одежда. В народной культуре *смертная* одежда имеет двоякое содержание. Смертная одежда – это то, в чём умирает человек. В то же время это понятие устойчиво и повсеместно соотносится с заранее заготовленной погребальной обрядой, в которую переодевают человека после смерти. Например, в Псковской области в *смертной* одежде хоронят [23, с. 175]. На Рязанской земле, в Тамбовском, Пензенском, Белгородском краях узел с погребальной одеждой называют *смертное*. Народная культура знает примеры, когда человека обмывают и одевают в погребальную одежду ещё живым. В этом случае понятия «смертной» и «погребальной» одежды совпадают. П.В. Шейн сообщает о погребении в

рубаше, в которой умирает человек (её также могли класть вместе с ним в *домовище*, одевая его в новую рубашу) [24, с. 793; 14, с. 85]. С чем связана нечёткость в определении смертной и погребальной одежд в народной культуре, пока не совсем ясно. В нашем понимании смертная одежда та, в которой умирает человек, погребальная – в чём кладут в гроб.

В южновеликорусских землях исконное смертное убранство продолжает сегодня широко бытовать в погребальной обрядности крестьянских родовых культур. Обращение к крестьянским родовым культурам южновеликорусских областей даёт возможность получить целостный материал для изучения предложенной нами темы.

В **Сядемской крестьянской родовой культуре** в каком возрасте, состоянии и положении уходили в мир иной представительницы женского пола, в срядях этого времени их и хоронили, а пожилых баб и старух хоронят и сегодня в исконных одеждах. Одевание живых в культуре называется *срядой*, а погребальное – *абрядой*. В Сядемке нам говорили: «**Старых баб** харанили в рубашах с *ряпьем* или *полрепеюшка*. **Старух** хоронили в *сухих* рубашах. **Малых баб** в *красные*, в рубашу *палика* наряжали. **Вековух** в сараханчике (чёрная юбка. – П.К.) и *сухой* рубаше, здявалку не надевали» [25, с. 45]. В случае смерти молодой бабы её одевали в лучшую красную *добрую* сряду, а вот рубашу могли надеть кручинную в полрепя, сохранённую с Посада (венчальную), и белый холщовый саван. **Просватанную** и заручённую невесту хоронили в белых печальных одеждах; **повенчанную** невесту и **молодую** – в *красной* праздничной сряде *красота*. В целом погребальная *обряда* девок, баб и женщин в Сядемской культуре имеет ярко выраженный праздничный знаковый характер. По знаковости она идентична годовым срядам сварожьих и яргических времён (табл. 1). В женском смертном одеянии нет нижнего белья, низ покойника – открытый.

Погребальное убранство, сохраняя праздничную половозрастную знаковость, имеет определенную специфику. Прежде всего, резко снижается количество вещей. Исключаются украшения и верхняя тёплая одежда. Исчезают из обряды запон, нет в ней и глухой нагрудной одежды *шушпана*. При этом обязательным убранством для всех возрастов является саван (табл. 1). Саван в начале третьего тысячелетия продолжали шить (после смерти) из четырёх заранее заготовленных обычных конопляных холстин. Шитьё савана живому человеку грозит смертью его детей. Всем умершим волосы заплетают по иному, снизу

вверх (живым заплетают снизу вверх). Девкам плетут одну косу и кладут под голову; бабам заплетают две косы и укладывают точно так же, как носили при жизни, на затылке. Вековым девкам плетут одну косу [26]. В узорах погребальной обряды всех возрастов присутствовала *ярга-кривоношка* – крест с загнутыми концами.

Трепетное отношение пожилые владелицы *смертных узлов* проявляют к *сухому шушунчику* (распашная горничная верхняя одежда). Наличие шушуна считается строго обязательным в *смертном узле*. Он наравне с саваном принимает на себя смыслы ключевого вещного знака смертной обряды. Третьей одеждой по значимости идёт посадская (венчальная) рубаша, её принято сберегать для собственного погребения. А.Н. Митякина, 1914 г.р., сообщила: «У меня на смерть посадская рубаша. Батюшка сказал, что это хорошо на смерть» [26].

Использование посадской рубашы в смертной одежде создаёт **знаковый шум**⁴ в смертной обряде большинства бабьих возрастов. Посадская (венчальная) рубаша обычно имеет печальную праздничную знаковость, а погребальная обряда – годовая для своего возраста. Возникающее знаковое рассогласование вызывает знаковый шум. Для Тамбовского края, к которому принадлежала СКРК, посадская рубаша в смертном уборе баб имела широкое распространение. Как сообщает Л.Ю. Евтихеева, её хранили чтобы «в гроб ложиться, бириягли на смерть» [27, с. 65].

Похороны в СКРК без соблюдения обычая воспринимаются с позиции превращения человека в животного: «А ныне человека зароят как скотину» [26].

Готовясь к смерти, старые люди здесь говорят: «Пора домой, пора к родителям». Жители Сядемской КРК полагают, что душу умершего на том свете встречают и узнают *родители* по её внутренней сущности, воплощённой во внешнем образе. Одежда умершего выступает одним из отличительных признаков его облика перед *родителями*. Очевидно, что существующий в Сядемской культуре взгляд на загробную жизнь predetermined не только необходимость в погребальной одежде соответствующей знаковости, но и обычай класть в гроб умершего его личные мелкие вещи [25, с. 45].

Отметим, что запон (передник) отсутствует в печальной посадской сряде – свадебный переход, нет его в погребальной обряде – смертный переход, исключается он из сряды и при посещении церкви.

У старообрядцев с. Кириллово СКРК умерших обматывают нитками. «Покойника обматывают нитками, целую катушку изматывают»

Таблица 1

**Сравнительный состав погребальной обряды баб и женщин Сядемской крестьянкой
крестьянской родовой культуры. XX в.**

Возраста / положения	Понёва	Рубаха	Шушун	Пояс	Головной убор	Крест	Обувь	Саван
Невеста заручённая	Восьмиглазка (кручинная)	В полрепя (кручинная)	Кручинный	Пояс кручинный	Сведений нет	Да	Ланти, онучи, чулки	Да
Бабы								
Молодая	О двенадцати глаз	Палика ♦ (добрая)	Добрый	Пояс бабий праздничный	Повойник, яркий платок	Да	Ланти, онучи, чулки	Да
Молодая баба	О двенадцати глаз	Палика ♦ (добрая)	Добрый	Пояс бабий	Повойник, яркий платок	Да	Ланти, онучи, чулки	Да
Баба до 32 лет	О двенадцати глаз	В окладки (поддобрая) ♦	Поддобрый	Пояс бабий	Повойник, яркий платок	Да	Ланти, онучи, чулки	Да
Баба в сорок лет	О десяти глаз	В две строки (четвёртая) ♦	Поддобрый	Пояс бабий	Повойник, яркий платок	Да	Ланти, онучи, чулки	Да
Пожилая баба	О восьми глаз	Ряпём	В три лянты	Пояс бабий кручинный	Два белых платка	Да	Ланти, онучи, чулки	Да
Женщины								
Старуха	О шести глаз	Сухая ♦	Сухой	Поясок кручинный	Два белых платка	Да	Ланти, онучи, чулки	Да
Войниха	О восьми глаз	Ряпём	В три лянты	Пояс кручинный	Повойник, платок	Да	Ланти, онучи, чулки	Да
Вдова	О шести глаз	Сухая ♦	Сухой	Поясок кручинный	Два белых платка	Да	Ланти, онучи, чулки	Да
Вековая	Без поневы	В белой сухой рубахе и чёрной юлке сараханчике		Поясок	Белый платок	Да	Ланти, онучи, чулки	Да

♦ В случае отсутствия посадской рубахи

[28]. Здесь нить проявляется в качестве оберега и знака судьбы.

В вяземской крестьянской родовой культуре знаковость смертной обряды повторяет праздничную знаковость сряд девичьих и бабьих возрастов всех возрастных групп, а также женщин. Но при этом имеются отличия.

Так, понёва и запон, будучи ключевыми одеждами в срядах баб и женщин (кроме вековой), в смертную обряд не входят. Собираясь умирать, бабы обычно лежали на смертном одре уже без понёв [25, с. 45]. Понёва до истечения 40 дней отсутствует в одежде роженицы – родинный переход. Не включён в смертный узел и нагрудник (нагрудная глухая одежда). Запона нет в посадской печальной сряде невесты. Отсутствие запона и понёвы в печальной сряде невесты и погребальной обряде, а понёвы – в печальной сряде бабы-роженницы, характеризует эти одежды знаками принадлежащих бабьим

родоконам. Их отсутствие в срядах духовных переходов выявляет знаковое родство свадьбы, родин и смерти.

В то же время исключение древней распашной понёвы из погребального выявляет смысловую особенность бабьего понёвного календаря жизни [25, с. 59–66]. Понёва выступает в этом календаре знаком, определяющим в первую очередь смыслы бабы-рожаницы, её порождающее начало и духовные возможности в земном бытии. Её отсутствие свидетельствует, как можно судить по всему содержанию Вяземской КРК, об исключении родинных возможностей бабы на том свете.

Шушпан (горничная распашная наплечная одежда) – самая важная погребальная одежда у вяземских старух, которую они всеми силами и средствами сберегали насмерть. Без этой одежды они не мыслили уход в мир иной. Пожилых баб и женщин обязательно хоронили в саване.

Косы умершим бабам заплетают снизу вверх, т.е. наоборот, по отношению к обычному заплетанию.

Линейные знаки – *ярги*-свастики, ромбы, кресты и другие знаки каждый со своими разновидностями, входили в погребальную обряд, согласно возрастному состоянию. В погребальные одежды девок-невест и молодых баб широко включался красный цвет, будучи ключевым знаком цвета в их праздничных срядах. Белый цвет преобладал в одеждах пожилых и старух, вдов и вековых. Преобладание белого цвета у старух видно из состава *абряды*: рубаха *халстовая* (белая), *поясок*, *лапти*, *аборы*, *белые ануцы тамары*, *шушпан* белый, *белый платок*, *саван* белый.

Погребальная одежда вяземской знахарки отличалась от подобной обряды обычной бабы. Знахарок могли погребать в понёве. Старых вяземских *бабок-повитух* по их просьбе хоронили без вопления, голошения.

В **Чёрнореченской КРК** молодых баб хоронили в *годовой* обряде: трёхполой с прошвой понёве *красноглазке*, рубахе, *красном* запоне, *помойнике* (повойнике – П.К.), *красном* платке, *красном* широком поясе – *покромке*, шушпане (распашная одежда до колен) с красными узорными *закладами* и других вещах. Для старух характерно погребение в *сарахване* и *белом* старушечьем шушпане. Старушечья понёва могла не входить в смертное убранство старух, тогда вместо неё включался девичий сарафан. Вековую, *засиделую девку* хоронили без понёвы, повойника, «которые ей не полагались» [29]. Отсутствие понёвы в погребальном старухи, подтверждает её важность в качестве вещи-знака, характерного для бабьих возрастных групп.

В **Чернавской КРК** состав смертного *узла* является предметом особой заботы хозяйки после её перехода в последотородное состояние. К 40–50 годам она полностью собирает смертный *узел* для убранства своего и мужа. Одновременно готовятся необходимые вещи для проведения похоронно-поминальных обрядов, в частности на похороны и проводы души сорокового дня. Смертный *узел* представляет собой обыкновенный кусок льняной дмотканины или платок, в который завязывают одежду и вещи погребального убора. Нередко содержимое хранится в двух узлах. В одном узле – смертный убор, в другом – вещи на обеспечение похорон и обрядов проводов души, включительно по сороковой день, а иногда и по 11-й обряд проводов души в третью годовщину⁵.

Первые вещи на смерть собираются в узел с началом замужества. После свадьбы

насмержь откладывается печальное посадское *головное* полотенце и *посадская гальянка* (белый льняной передник с отдельно выполненными узорными рукавами). Через некоторое время молодые бабы перестают пользоваться посадской суконной *тонкой шушкой* и её откладывают *насмержь*. В с. Озёрки этой культуры девки-невесты на святочных посиделках ещё в 50–60-е гг. (работа запрещалась) вышивали себе на смерть передники – белые *строчные занавески с костылями* (яргами-свастиками) [РМН № Оз 1-12]. Заготовка смертных вещей до замужества раскрывает древнейшее славяно-русское понимание временности бытия человека в этом мире. Пример показывает, что главные ценности жизни заключаются в подготовке себя к посмертной жизни, к жизни на том свете.

Умершему в гроб принято класть личные вещи (трубку для курения, очки, костыль и др.). В случае его захоронения не в полной обряде или одеждах, не соответствующих возрасту и положению, допущенные ошибки исправляются путём передачи необходимых одежд и вещей с другим покойником – *мертвяком*. «Одной тогда бабе приснилась мать-покойница. И она говорит ей: «Я тут (на том свете – П.К.) в *чунях* промокаю. Сдайте мне обувку». Ды она носила в Дубки (соседнее село – П.К.) тапки, с умершей передавать» [30].

Обычай настолько естественен и силен, что ему следовали и местные священники. В своё время одного из них похоронили с напрестольным старинным Евангелием. Священник И. Добролюбов по этому поводу написал: «Сохранилось предание о глубокой древности находившегося в сей церкви напрестольного Евангелия, которое, благодаря невежественному отношению к памятникам древности, лет двадцать тому назад было предано земле вместе с прахом одного из священников» [31, с. 232]. В этом событии проявляется один из обычаев народного православия.

Снабжение умершего всем необходимым характерно было в древности, когда по родноверческому (языческому) обычаю его захоранивали с конём, оружием и нужными на том свете вещами [2, с. 60; 1, с. 293; 7, с. 123]. В Ростовском уезде Ярославской губернии крестьяне в конце XIX века считали, что «души умерших имеют, как и живые люди, нужды и желания: они испытывают и холод, и жар, алкают и жаждут, только пища и находится воздухе и для нас невидима» [32, т. 2, ч. 2, с. 311]. По мнению калужан, «в загробной жизни человек может чувствовать голод, жажду, холод. <...>

В какой одежде человек умер, в такой будет он и по смерти вечно ходить» [32, т. 3, с. 416].

В Чернаве продолжает существовать обычай, согласно которому баба, носящая понёву и *кагачи* (два рога на голове из собственных волос), собирает себе узел из вещей исконной наряды, а перешедшая носить понёву с кагачами, т.е. перешедшая на ношение современной одежды, собирает узел «из тряпок». Другой причиной перехода на узел из тряпок (покупных вещей) чернавские бабы называют опасение того, что насмерть в исконную обряды их неправильно нарядят.

Состав погребальной обряды девок, баб и женщин (табл. 2) представлен на основе изучения смертных узлов в ЧКРК. Каждому возрасту/категории соответствует своя *смертная обряда*. Все вещи обряды наделяются возрастной и статусной знаковостью; в смертный узел включались одежды и вещи, которые хозяйкой носились в годовой праздник для её возраста, статуса. Кроме указанных в таблице вещей, обязательно для всех возрастов ткалось и вышивалось небольшое *полотенце в руку* «для отмахивания от чертей на том свете» [РМН № 20-38]. Неизменно в гробу всех умерших покрывали домотканой широкой льняной *смертной покрывкой, крышей* [33]. В саванах чаще в гроб клали мужчин, нежели баб и женщин. На Рязанской земле саван продолжает бытовать в большинстве её районов. Шьют его только после смерти человека.

Остановимся на знаковости отдельных вещей смертной обряды.

Д.К. Зелениным отмечено, что для погребальной обряды русских «фартук на женщину не надевают никогда» [4, с. 347]. Это подтверждается и нами в ряде строев сряд КРК; однако данный факт имеет здесь совершенно иное знаковое наполнение. *Занавеска-передник* наравне с понёвой и *шушкой* имеет статус ключевого знака погребального убора и отмечает почти все девичьи, бабьи и женские возраста. В зависимости от возраста, статуса умершей передник может называться *хартуком, гальянкой* или *занавеской* и иметь различный знаковый облик (табл. 2): *строчный хартук* свойствен для девок, *красная занавеска* для молодых баб, печальная *строчная гальянка* – для пожилых баб и старух; всякий передник исключается из обряды *старых старух* (табл. 2). Последний возраст знаменует особое состояние старых старух – как успешно заканчивающих свой земной путь, свои земные дела. Они постепенно освобождаются от земных забот своего рода, от материнских забот, что означает введением в их сряду девичьих одежд и ис-

ключением бабьих. **Отсутствие в погребальной обряде старой старухи передника, сближает его смыслы со знаковостью понёвы в русской народной культуре – обрядовой бабьей.**

Шушка, будучи девичьей и свадебной одеждой невесты, вновь включается в убранство старой вдовы, старухи, при исключении из их смертного узла понёвы и передника. Такая замена – «шушка на понёву и передник» (табл. 2) – носит ярко выраженный знаковый характер, отмечая у старой бабы веку становления на духовный путь окончания жизни.

Для девок и старух продолжает бытийствовать обычай использования *набожника* (строчное белое полотенце на иконы по печали) для опоясывания, а *подбожника* для закрытия лица в гробу.

Кагачи расплетаются или остаются в прежнем состоянии. Для каждой категории укладывание волос имеет возрастные особенности (табл. 2).

Старухи с какого-то времени изменяют состав обряды и изымают понёву из смертного узла. Это время, как следует из сообщений вестниц, определяется рядом условий: через несколько лет после естественной смерти мужа; по достижении определённого возраста; по самоощущению (ощущает, например, приближение смерти). На жизненном пути понёва отмечала время вступления в семейную жизнь. Временное изъятие понёвы из сряды роженицы означало временное прекращение зачатия, окончательное изъятие – завершение полноценной семейной жизни в качестве бабы-бабушки и переход на духовный путь окончания жизни. Нельзя исключать, что снятие старухой понёвы и занавески, а также их исключение из ее смертной обряды знаменовало окончание всякой жизнеобеспечивающей деятельности в своей семье. Старуха подходила к времени духовной подготовки перехода в иной мир, становясь старой старухой. Одевание старух проявляет древние черты смертного убора, когда он состоял из небольшого числа вещей или просто покойника оборачивали холстом [14, с. 95].

Вдов и вековых обряжают согласно их положению (табл. 2).

В *Секиринской КРК* неожиданно умерших молодых баб хоронили в годовых срядах своего возраста. Многие одежды сряд молодых баб до предела насыщены красным цветом. Вследствие этого он занимает одну из ключевых позиций в погребальной исконной обряде [34]. Л.А. Тульцева пишет, что вплоть до 1960-х гг. для погребальной одежды рязанских крестьян было характерно сочетание белого и красного цветов [35, с. 169, 210].

Таблица 2

Сравнительный состав погребальной обряды женского пола чернавской крестьянской родовой культуры. Первая половина XX в.

Возраст/ категория	Понёва	Шушка	Рубаха	Передник	Пояс	Обувь	Крест	Головной убор	Причёска	Головное
Девка-невеста	Нет	Тонкая шушка	Льняная с белыми узорами	Строчная гаянка со строчными рукавами	Строчное полотенце или зелёный кушак	Безытачные чулки чернотоможки, вязаные коты	Да	Белая льняная головная повязка или белый шёлковый платок	Расчёсанные волосы на правой груди	Посадское полотеняч
Бабы										
Молодая баба	О семи полотен с обложкой	Нет	С красными полками	Красный или зелёный хартук	Пояс узорный	Чулки чернотоможки, лапти	Да	Белая головная повязка и платок красный	Кагачи или волосы на затылке	Посадское полотеняч
Баба	Понёва о шести полотен с обложкой	Нет	С красными полками	Свойская занавеска с зелёными узорами	Пояс узорный	Чулки чернотоможки, лапти	Да	Белая головная повязка и платок цветной	Волосы в кагачах или в двух половинках на затылке	Посадское полотеняч
Пожилая баба	Понёва о четырёх полотен	Нет	С белыми узорами	Строчная гаянка, белая	Синий пояс	Чулки чернотоможки, лапти	Да	Белые головная повязка и льняная покрывка	Кагачи или волосы на затылке	Посадское полотеняч (покрывка)
Старуха	Нет	Посадская шушка	Скромная льняная белая	Строчная занавеска, белая	Строчное полотенце	Чулки белоноожки, лапти	Да	Белые головная повязка и льняная покрывка	Волосы пучком на затылок	Подбожник или посадское полотеняч
Женщины										
Старая старуха	Нет	Посадская шушка	Скромная льняная белая	Нет	Фолетогый пояс	Чулки белоноожки, лапти	Да	Белые головная повязка и льняная покрывка	Волосы пучком на затылок	Посадское полотеняч
Вдова	Понёва о пяти полотен	Нет	Рубаха белая	Занавеска строчная, белая	Синий пояс	Чулки белоноожки, лапти	Да	Белые головная повязка и покрывка	Расчёсанные волосы на правой груди	Посадское полотеняч
Вдова старая	Нет	Посадская шушка	Рубаха белая	Занавеска строчная, белая	Синий пояс	Чулки белоноожки, лапти	Да	Белые головная повязка и покрывка	Расчёсанные волосы на правой груди	Посадское полотеняч
Вековая	Нет	Шушка	Рубаха белая	Занавеска белая	Синий пояс	Чулки белоноожки, лапти	Да	Белый платок	Расчёсанные волосы на правой груди	Покрывка

Ближе к 50 годам бабы заканчивают заготовку полного смертного узла. Первой вещью в него откладывалась посадская (венчальная печальная) рубаха. Посадская рубаха в погребальной обряде большинства бабьих возрастов создавала знаковый шум.

В селе принято «хвалиться» своей *смертной обрядой*. Смертная старушечья обряда А.П. Ерошиной, 1929 г.р., в 2006 г. включала: рубаху с *двумя затыками* посадскую, понёву старушечью *простую* в русскую клетку, белую суконную *старушечью сермяжку*, холщовое белое полотенце в руку «для отмахивания нечисти», белый платок и на него белое домотканое *полотнище*, чулки *белые* вязаные, чёрно-белый узкий пояс для опоясывания по *сермяжке*, покрывало из церкви, кусок миткаля на дно гроба, крест на голубой ленте. Все вещи, кроме венчальной рубахи, по своей знаковости соответствуют старушечьему возрасту. В узле находилось два мотка холстов, чтобы нести и опускать гроб в могилу, полотенце для вытирания после обмывания. Заготовленный гроб (до 2005 г. это были доски) лежал на потолке сарая. Здесь же хранились охапки берёзовых ветвей на дно гроба «чтобы мягче лежать», а также берёзовые ветки (или сено) в подушку, часть веток помещалась в гроб сбоку. Каждый год после Медового Спаса обновляется хранящаяся однодвухлитровая банка мёда для обязательного *первого помина*. Для выделения в избе печального пространства хранятся белое самотканое полотенце *на Бог*, т.е. на иконы в переднем углу, печальная *белая* скатерть на стол, *белый* платок накидывать на решето (подставка для чтения Псалтыри на поминках), белые платки завешивать зеркала. Все вещи узла, за некоторым исключением, домотканые.

Отличие знаковости секиринской *смертной обряды* от праздничной и повседневной *наряды* определяется прежде всего отсутствием *занавески*, которая в наряде занимает одно из ключевых мест. Узел время от времени обязательно пересматривается, его состав меняется согласно изменениям возраста владелицы. Рубаха (если нет посадской) через каждые лет 10 меняется на последующую, которая по своей знаковости постепенно приближается к старушечьей. До настоящего времени Секиринская культура сохранила возрастную знаковость погребальной обряды в понёве, рубахе, поясах и других вещах. В смертной обряде нет бисерных украшений, обильно присутствующих в праздничных срядах.

В Секирино распространён обычай положения в гроб мелких личных вещей умершего.

Принято передавать с новым покойником на тот свет умершим что-либо забытое при их положении в гроб. Секирино – это бывшее шахтёрское село. В шахте (в начале XX в.) произошёл несчастный случай: в забое дробильной машиной мужику оторвало руку. Его похоронили без руки, но он стал сниться жене и говорить, что «без руки тут делать нечего. Нужна рука»; пенял, зачем похоронили без руки. Сны повторялись. Тогда стали искать и нашли в шахте его руку; передали её на «тот свет», положив в гроб новому умершему, после чего требования покойника прекратились [34]. Секиринская культура в повседневности пронизывается нитями постоянной взаимосвязью живых с предками. Пребывание на том свете секиринцы воспринимают как продолжение земной жизни, в ином пространстве, но среди своих сородичей. Культ предков для секиринцев не просто наследие тёмной старины, а необходимость, обеспечивающая благополучие жизни рода здесь и на том свете.

В *Глухово-Иловской КРК* Белгородской области *смертёное* бабы начинают заготавливать ближе к 50 годам. В с. Подсереднем «иной мир» прямо связывается с нахождением в нём предков. На том свете подсередненских баб первым делом спрашивают: «Умеешь ли безутошный поясок (без утка – *П.К.*) ткать?» [36]. Речь идёт о пояске по низу понёвы, которому придаётся важное значение в этой одежде. Поясок «ткнут» две бабы на своих руках – древнейший способ тканья.

В этом селе девок хоронили в лучшей праздничной родославной наряде: вышитой рубахе с подставкой, чёрном шерстяном сарафане, в атласном красном платке, в подпояске *радугой*, с бусами на шее, в нагрудном украшении *грибатка*, в платке с *гребёнками лентами*. На ноги надевали только *безпяточные* чулки, вязанные на одной спице. Молодую бабу обряжали в её лучшие годовые одежды: вышитую рубаху с подставкой, понёву *колода в три пальчика*, подпояску годовую, годовую золотую сороку с золотым подзатыльником, двурогую кичку *красным с бисерком* по очелью; украшения: бусы, *грибатка* с иконкой, *назадник* с иконкой; чулки *безпяточные*. Пожилых баб без сорок, в двурогих ненарядных кичках, платках, понёвах *в один глазок*, в *безпяточных* чулках. Старух погребали в праздничном уборе своего возраста, в который входила понёва. *Вековую* погребали в девичьем уборе, с девичьей причёской. В селе строго следили за цветовым соответствием одежд и состава убора возрасту умершего.

Общее отличие годовой наряды от погребального убора определяется отсутствием *за-*

вески-передника и **обуви**. Последняя и сегодня не входит в погребальный убор жителей однодворческих селений бывшего Бирюченского уезда. Отсутствие завески в свадебном печальном одеянии невесты, погребальной обряде и печальной одежде роженицы обнаруживается общим знаком, свойственным разным переходам – свадебному, погребальному и родинному. Независимо от состава узла (исконный или тряпочный) и сегодня женский пол хоронят без нижнего белья. Вопрос о трусах при подготовке смертного узла бабами обговаривается, и родственникам даётся наказ об их исключении из погребального.

Гредякинская КРК в XX столетии продолжала сохранять исконный половозрастной порядок погребения. Девочек хоронили в девичьем. Погребальная обряда молодых баб состояла из лучших годовых одежд: сорока с золотым очельем, двурога кичка с острыми рогами, понёва красная *потринитка* (РМН № БП-93), *красный* платок (или без платка), *красная* рубаха, годовая подпояска и др. Пожилых баб хоронили без сороки, в остроугой кичке, в понёве *в один глазок твёлым*. Старух хоронили в кичках и старушечьих понёвах. Старых старух хоронили без понёв, в белых рубахах, *чёрных* холщовых юбках. Смертная одежда вдовы соответствовала её состоянию: печальная рубаха, кичка, печальная понёва и всё остальное убранство кручинного характера. Вековых девиц погребали в *чёрных* юбках и белых рубахах. Отсутствие понёв и *завесок* в погребальном уборе старух отмечает их знаком бабьего бытия.

Роговатовская КРК в продолжении XX в. продолжала сохранять исконные похоронно-поминальные обычаи и обряды в отношении всех возрастов. Всех умерших обряжали в лучшие праздничные одежды своего возраста и статуса. Девочек хоронили в праздничных сарафанах, головы покрывали *красными косынками* с лентами. Молодых баб хоронили в яркой красно-оранжевой понёве *по полотну* (РМН № 50-1), других баб хоронили в праздничных понёвах и рубахах своего возраста, а старух в старушечьей обряде.

В начале третьего тысячелетия обычай продолжал сохраняться среди пожилых баб и старух. В 2005 г. Е.В. Кузнецова, 1927 г.р., в своём смертном узле имела следующие вещи со старушечьей знаковостью: рубаха белая *торговая малокрашенная*, понёва *старушечьи полосы*, *хвартук* сатиновый *без ленок*, головная ситцевая красная *повязка* (непосредственно покрывала волосы), *косынка* домотканая белая с *белыми хвартотами*, платок шерстяной чёрный куплен-

ный, *старушечьи уваленные* чулки *безпяточные* белые, вязанные на одной спице, тапочки чёрные (раньше лапти), покрывало белое, вниз белый миткаль, нательный крест на подвязке. Для старух более характерна головная красная повязка, в мелкий белый горошек. Смертное носилось по годовым праздникам, потом откладывалось в узел. Состав смертного узла, собранный после сорока лет (сегодня полностью собирается к 50 годам), в дальнейшие годы уточняется в соответствии с знаковостью возраста [37]. Одежды изымаются из узла и заменяются на требуемые по соответствию знаковости возраста и статуса.

Смертный узел с исконной обрядой в Роговатом сегодня имеют бабы, которых повивали на свадьбе в рогатую кичку. Переход бабы с исконной сряды на ношение «тряпок», т.е. современных одежд, вызывал необходимость замены содержимого смертного узла на *тряпки*. П.Т. Ерёмин, 1928 г.р., после перехода с понёвы на ношение тряпок заменила весь исконный состав смертного узла на состав из тряпок. Объяснила она нам так: «Понёвный тяжёлый узел сменила на тряпочный, лёгкий. На том свете нужно будет переплыть реку, а с тяжёлой одеждой это сложно. Всё что дадут в гроб, в том числе и одежду, надо будет держать в зубах и переплыть реку» [37]. Хозяйки, у которых мы смотрели смертные узлы с исконной обрядой, в будничной обстановке находились в одежде без понёв. Видимо, основным условием подготовки смертного узла с исконным убранством выступает свадебный обряд повивания и последующее её ношение в течение нескольких лет. После этого сряды надевалась только на праздники.

В **Ерышевской КРК** Воронежской области бабья погребальная обряда имела возрастное деление. Баб ещё в середине XX в. хоронили в кичках, покрытых сверху платком (без кокошников), понёвах в русскую клетку *с грузком*, рубахах «с небольшими цветами» и брызжами на запястьях, волосы были заплетены в две косы. Старуху клали в гроб в понёве или холстинной юбке, кофте-*раздуван*, кичке, рубахе с брызжами. Запон не входил в смертный убор для всего женского пола, включая всех баб, старух, девочек и вековых [38].

У великорусов **Крамчанской КРК** Сумской области баб детородного возраста хоронили в годовых понёвах, кичках и сороках; пожилых баб – в праздничных понёвах своего возраста и в кичках, сорока им не полагалась. Часто всех баб и девочек в культуре хоронили в чёрных шерстяных сарафанах, со своей степенью знаковости, без понёв и *застилок* (передников). Вместе

с тем другие погребальные одежды полагались праздничные своего возраста [39]. Отсутствие понёвы и *застилки*, как мы считаем, указывает на исключение детородных возможностей баб на том свете. Выход из бабьего состояния и переход в иной мир, где человек не размножается, исключают необходимость в наличии этих знаков в одеждах иного света.

Исследованный материал позволяет заключить следующее. Смертно-погребальная обряда в южновеликорусских крестьянских родовых культурах имела строгую возрастную знаковость, она соответствовала статусу и духовному состоянию девиц, баб и женщин. Погребальная обряда означивалась вещами высшего уровня праздничности и высшей степенью праздничности. Сложный состав годовых девичьих, бабьих и женских сряд соответствующим количеством вещей и одежд равнозначно включался в погребальное убранство. Это проистекало из народного знания об ином мире и соответствовало общепринятым в русской народной культуре родноверческим (языческим) взглядам. По народной вере, человек после смерти переходил на тот свет, и его душа продолжала жить в ином мире среди своих родственников. На том свете, как и в жизни, «встречали по одежке». Забота о продолжении жизни душ умерших на том свете обусловила возрастное многообразие смертной обряды.

Преодоление душой трудного пути на тот свет заставило включить в погребальную обряды многих возрастов печальную одежду средних обрядов перехода, другие вещи и предметы, использование которых магическим способом облегчало преодоление пути на тот свет и, возможно, обустройство в ином мире. Для смертных обрядов всех возрастов родославного времени характерно присутствие **знакового шума**, получаемого вследствие нарушения знакового строя сряд, т.е. соединения в них празднично-печальных и празднично-родославных одежд. Возникновение шума определяется магико-мировоззренческими взглядами на роль одежд (вещей обряды) в осуществлении перехода и дальнейшей жизни души на том свете.

Свои особенности имела смертная обряда знахарок, повитух и других бабок. Характер и содержание смертного убора этих категорий требует особого исследования.

Возрастная смертная обряда решает вопрос о несвоевременной смерти или неизжитом веке; отправляя изживать неизжитое на тот свет [9, с. 49]. В основе соответствия знаковости погребальной обряды статусу и положению лежат закономерности подготовки и перехода души на тот свет.

Список сокращений

ВКРК – Вяземская крестьянская родовая культура, Пензенская обл.

ГрКРК – Гредякинская крестьянская родовая культура, Белгородская обл.

ГИ КРК – Глухово-Иловская крестьянская родовая культура. Белгородская обл.

ЕрКРК – Ерышевская крестьянская родовая культура, Воронежская обл.

КрКРК – Крамчанская крестьянская родовая культура, Сумская обл.

РМН – Русский музей народоведения (не государственный).

СКРК – Сядемская крестьянская родовая культура, Пензенская обл. (бывшая Тамбовская губ.).

СкКРК – Секиринская крестьянская родовая культура.

РКРК – Роговатовская крестьянская родовая культура, Белгородская обл.

РЭМ – Российский этнографический музей, Рязанская обл.

ЧКРК – Чернавская крестьянская родовая культура, Рязанская обл.

ЧР КРК – Чёрнореченская крестьянская родовая культура, Рязанская обл.

Примечания

1. КРК – это исторически устойчивое самобытное воспроизведение и развитие в одном или нескольких обособленных крестьянских селениях (общинах, сельских обществах) духовной и материальной культуры на основе древних родовых отношений. Её характеристикой служат дохристианское мировоззрение, чаще всего в идее двоеверия или старообрядчества, избегания близкородственных семейных союзов при сохранении родового единства, опора на собственные силы в решении внутриахозяйственных вопросов. При этом носители культуры осознают себя частью большого народа, что определяет сознательное участие в решении общегосударственных вопросов. Её основным отличием от содержания понятия «этнолокальная группа», как нам представляется, служит длительное историческое время развития (несколько сот лет) в относительно замкнутом родокультурном пространстве.

2. В зависимости от порядка смены родоконов, их малых времён и частей существуют разнохарактерные переходы, занимающие ключевое место в матрице. Они обладают различными возможностями по выявлению знаковости одежд и вещного мира. Все переходы называются естественными ввиду их бытийности. По их классификации выделены **внутренние, внешние, граничные, внешне-граничные** и **сложнопрыжжённые** переходы. Духовные переходы связаны с изменением состояния и места нахождения души, они образуют самостоятельную группу, каждый из них

представляет родокон матрицы; они включены в группу внешне-границных переходов.

Внутренние переходы между частями времён, малыми временами, возрастами называем **мягкими**: в яргических временах обозначаем – **яр-яр**, а в сварожьих временах – **га-га**. **Внешние** переходы сопровождают смену родоконов. В яргическом круге их обозначаем **яр-яр**. Обязательных внешних переходов, – **ярг-ярг**, – между сварожьими родоконами нет, что вытекает из их состава. Вместе с тем жизнь показывает их повсеместное бытие. Внешние переходы с того света в этот мир – **инс-га** или **инс-яр**, с этого на тот свет – **га-инс**, **яр-инс**. **Внешне-границный**, или **сложный, переход** – одновременный переход по двум родоконам (например, девица переходит в молодуху). Осуществляется естественный и начинается духовный переход. **Границные** переходы (с яргических в духовные **яр-га** и обратно – **га-яр**) в культуре всегда сопровождаются резко выраженными изменениями знаковости. Происходит смена одних знаков на другие, меняется характер поведения большинства знаков, меняются их смыслы. Наибольший интерес представляет такое поведение знаков, когда одновременно или в короткое время осуществляется переход в несколько состояний. Например, переход молодой бабы в двойное состояние: а) в печаль и тут же в годовой праздник или б) состояние роженицы и праздника и др. Его называем **сложнонапряжённым** границным переходом.

3. Строй сряд, строй – совокупность характерных особенностей, проявленных разноприродными знаками (цвет, узор, строение узора, названия (имени), крой, общий состав сряды, способы тканья и вышивания, способы ношения и т.д.) в единичных одеждах и уборе (головной убор, поясной убор, украшения, обувь) в облике большинства сряд какого-либо культурного образования. Например, Вяземский строй Вяземской КРК, Гредякинский строй, Секиринский строй и другие – по наименованию крестьянских родовых культур или культурных образований иного уровня.

4. Знаковый шум – нарушение знаковой целостности сряды, посредством включения в неё одежд и вещей из сряд других времён, возрастов и статусов. Знаковое единство (целостность) сряды – соответствие всех знаков всего состава сряды (её вещей) возрасту и внутреннему состоянию хозяйки убранства, её общинному статусу и обрядовому (праздничному) назначению одежды.

5. В ЧКРК обряд проводов души совершают 11 раз: немедленно после обряжения умершего, на 3, 9, 20, 40 (провода души на тот свет) дни, полгода, год, полтора, два, два с половиной, три года – последние провода.

Список литературы

1. Терещенко А.В. Быт русского народа. Ч. II, III. М.: Русская книга, 1999. 346 с.
2. Котляревский А.А. О погребальных обычаях языческих славян. М.: Крассанд, 2010. 291 с.

3. Костомаров Н.И. Русские нравы. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М.: Чарли, 1995. 654 с.
4. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 511 с.
5. Рыбаков Б.А. Древности Чернигова // МИА. 1949. № 11. С. 7–99.
6. Шангина И.И. Обрядовая одежда восточнославянских народов в собрании Государственного музея этнографии народов СССР // Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах 19 – начала 20 в. М., 1984. С. 156–214.
7. Чистяков В.А. Представления о дороге в загробный мир в русских похоронных причитаниях XIX – XX вв. // Обряды и обрядовый фольклор. М.: Наука, 1982. С. 114–127.
8. Байбури А.К. Ритуал в традиционной культуре. СПб.: РАН, 1993. 240 с.
9. Седакова О.А. Погребальная обрядность восточных и южных славян. Поэтика обряда. М.: Индрик, 2004. 320 с.
10. Кремлёва И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды Рязанского края // Рязанский этнографический вестник / Гл. ред. В.В. Коростылев. 2001. С. 71–88.
11. Кремлёва И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. М.: Наука, 1999. С. 517–532.
12. Кремлёва И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русский Север / Отв. ред. И.В. Власова. М.: Наука, 2004. С. 661–705.
13. Смоленский музыкально-этнографический сборник. Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи. М.: Индрик, 2003. Т. 2. 550 с.
14. Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах 19 – начала 20 в. М.: Наука, 1984. 155 с.
15. Жарникова С.В. Золотая нить. Вологда, 2003. 221 с.
16. Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов верхнего Приобья (конец 19 – начало 20 вв.). Новосибирск, 1997. 152 с.
17. Лютикова Н.П. Крестьянский костюм Мезенского уезда Архангельской губернии конца XIX – начала XX века в собрании АГМДЗНИ «Малые Корелы». Каталог. Архангельск, 2009. 329 с.
18. Шитова Н.И. Традиционная одежда уймонских старообрядцев. Горно-Алтайск, 2005. 109 с.
19. Рыблова М.А. Погребальный обряд у донских верховых казаков (по полевым материалам) // Традиции и обычаи народов России. СПб., 2000. С. 92–100.
20. Прокопьева Н.Н. Покойник // Мужики и бабы. СПб.: Искусство-СПб, 2005. С. 461–464.
21. Прокопьева Н.Н. Смертная одежда // Мужики и бабы. СПб.: Искусство-СПб, 2005. С. 611–614.
22. Кутенков П.И. Об основных положениях концепции знакового исследования русской народной женской одежды // Российский научный журнал. 2012. № 3(28). С. 59–66.
23. Народная традиционная культура Псковской области / Под ред. А.М. Мехнецова. Т. 1. СПб.–Псков, 2002. 688 с.

24. Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. 1. Вып. 2. СПб. 1898–1900. 835 с.
25. Кутенков П.И. Великорусская народная женская сряда (одежда). СКРК и ВКРК. Сер. 19 – нач. 20-го в. СПб., 2010. 286 с.
26. ПЗ(КрД), 2011 – полевые записи в с. Красная Дубрава в 1996–2011 гг. СКРК.
27. Евтихеева Л.Ю. Тамбовский курагод. Сборник сценариев и материалов для фольклорных коллективов. Вып. 1. Тамбов, 2003. 158 с.
28. ПЗ(Кр), 2004 – полевые записи в с. Кириллово в 2004 г. СКРК.
29. ПЗ(ЧР), 2010 – полевые записи в с. Чёрная Речка в 2010 г. ЧР КРК.
30. ПЗ(Ч), 2008 – полевые записи в с. Чернава в 2008 г. ЧКРК.
31. Добролюбов И., священник. Историко-статистическое описание церквей и монастырей, ныне существующих и упразднённых. Т. 2. Рязань, 1885. 368 с.
32. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева». РЭМ. СПб., 2006. Т. 2, ч. 2. 552 с. 2005. Т. 3. 648 с.
33. Кутенков П.И. Южнорусская народная одежда. Чернавская крестьянская родовая культура. Сер. 19–20 в. СПб.: РГО, 2011. 288 с.
34. ПЗ(Ск), 2006 – полевые записи в с. Секирино в 2006–2012 гг. СкКРК.
35. Тульцева Л.А. Рязанский месяцеслов // Рязанский этнографический вестник / Гл. ред. В.В. Коростелёв, 2001. 284 с. 19.
36. ПЗ(Пд), 2010 – полевые записи в с. Подсереднее в 2009–2011 гг. ГИ КРК.
37. ПЗ(Рг), 2005 – полевые записи в с. Роговатое в 2005 г. РКРК.
38. ПЗ(Ер), 2010 – полевые записи в с. Ерышевка в 2011 г. ЕрКРК.
39. ПЗ(Тр), 2011 – полевые записи в с. Тарасовка в 2012 г. КрКРК.

AGE SIGNIFICANCE YAGNORUSOV FUNERAL RITES (OF CLOTHES)

P.I. Kutenkov

The article discusses the significance of the female burial clothing yagnorusov. The researcher comes to the conclusion that the death clothes on their rasnoprirod marks (pattern, color, and material, the name, the cut, the clothes, etc.), strictly corresponds to the age composition of the female half of the peasant community.

Keywords: girl, soul, Baba, sign, peasant tribal culture, richka, a young woman, an elderly woman, the burial rite, ponva, a shirt, death, yagnorus, the old woman, yarga-the swastika.